

А. И. ГЕРЦЕН

<Чтоб выразуметь эту исповедь страдальца...>

...чтоб выразуметь эту исповедь страдальца, эту энергическую душу, вырабатывающуюся через мастерские часовщиков, передние, похоти, падения до высокого нравственного состояния, до всепоглощающей любви к человечеству. После «Исповеди» в 29 году в Васильевском я взял «Contrat social»; им Руссо надолго покори́л меня своему авторитету; нигде я не встречал с такою увлекательной силою изложенными либеральные идеи. Я стал боготворить Жан-Жака, тогда и жизнь его, особенно поэтическое бегство от людей в Эрменонвиль, привязали меня еще больше лично к нему; он мне казался каким-то агнцем, несущим скорби всего человечества XVIII века. Я назвал любимое мое место в деревне Эрменонвиль¹ и всегда поминал в нем гражданина женевского. Руссо в самом деле выражает все теплое начало французской философии XVIII века и все энергическое. Один Дидро может стать с ним рядом, но в Дидро нет этой чистоты *sui generis*², чистоты неподкупного Робеспьера, безумного Сен-Жюста³. После «Contrat social» прочли мы с Темирой⁴ «Discours sur l'inégalité de l'homme»⁵ и т. п. Я было принялся за «Новую Элоизу», да бросил на второй части; мне, упивавшемуся небесными девами Шиллера, которые все похожи на его Деву чужбины⁶, с их неприступною чистотою, с их неземною жизнью, не могла нравиться физически порывистая любовь Юлии, ни даже слог переписки ее с любовником. Жизнь действительную я в то время плохо понимал. Я искал в поэмах идеальные существа, какие-то тени, как все тени, имеющие образ человеческий, но без тела.

Несмотря на мое пристрастие к политическому учению энциклопедистов, вполне я не предавался им. Какой-то внутренний голос, инстинктуальный больше, нежели сознательный, боролся против грубого сенсуализма этой школы. Дух мой требовал свои права и отталкивал узкие истолкования. Может, чтение Шиллера направило меня выше воззрения Вольтера, может, гальванизм века будил этот голос в моей душе — не знаю, но всего очевиднее ненависть моя к материализму оказалась, когда я вздумал заняться естественными науками, — это был богатый эпизод в одностороннем политическом направлении, ему я обязан долею хороших результатов, до которых достиг впоследствии; и если вторично спасся от односторонности.

<Конец 30-х гг.

